

УТВЕРЖДАЮ

Врио ректора Тверского государственного
университета канд. юрид. наук, доц.

Suf

С. Н. Смирнов

« 11 » *декабря* 2022 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертации Кардановой-Бирюковой Ксении Суфьяновны на тему:
«Лингвистическая теория речевого события:
структурно-эволюционный аспект»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Тяготение к синкретизму наук и междисциплинарности концепций является ведущей тенденцией в области современного гуманитарного знания. Представленная к защите диссертация К.С. Кардановой-Бирюковой, будучи исследованием речевого события как онтологически интегративного феномена, полностью отвечает этой тенденции. Другим основанием, свидетельствующим об актуальности обсуждаемой диссертации, является обращение к собственно динамическому аспекту моделирования коммуникативного взаимодействия. Несмотря на то, что моделирование коммуникативного процесса в лингвистике не ново и давно вызывает у лингвистов устойчивый интерес, предложенная автором теоретическая концепция моделирования и методика верификации модели речевого события, разработанная на основе этой теории с учётом принципа имманентной континуальности речевых действий и самоорганизации коммуникативной системы, без сомнения, может считаться новаторской и актуальной.

Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается, в первую очередь, репрезентативностью материала и применением необходимых методов исследования. Автором обработан и проинтерпретирован обширнейший материал, полученный в ходе проведения серии экспериментов (более 200 анкет). В процессе статистической обработки экспериментальных данных применялась система SPSS. В диссертации проанализированы видеозаписи и стенограммы (общее время звучания около 4,5 часов), цикл медиатекстов (более 30 статей), фрагменты-интернет коммуникации (10 интернет-форумов) и фрагменты академической

коммуникации (6 стенограмм защит кандидатских и докторских диссертаций). Основным инструментом исследования стал метод моделирования, позволивший построить оригинальную модель коммуникации с учётом сущностных свойств этого феномена. Следует констатировать, что методы исследования полностью отвечают цели и задачам, которые поставил перед собой автор. Материалы проведённых экспериментов убедительно доказывают, что одним из основных движущих факторов коммуникации является «социальный дисбаланс», возникающий под влиянием «раздражителя» и устремляющий коммуникацию к равновесным коммуникативным отношениям как результату адаптации коммуниканта к среде, что обеспечивается «функциональной иерархией свойств активности, структурности и языковой способности, адекватной средовым факторам» (с. 16).

Следует подчеркнуть добротность и кропотливость проработки обширного материала, что отличается научную школу профессора В.А. Пищальниковой.

Научная новизна диссертационного исследования К.С. Кардановой-Бирюковой заключается в том, что:

- впервые разработана модель речевого события с учётом имманентной ему континуальности;
- впервые выдвинут принцип рекурсивности как центральный принцип организации коммуникации;
- впервые предложена и апробирована методика верификации модели речевого события;
- впервые доказано, что теория аутопоэза, разработанная во второй половине XX в. биологами У. Матураной и Фр. Варелой, может стать основой лингвистического моделирования;
- впервые обосновано, что самоорганизация как фундаментальное биологическое свойство живой системы может определять характер коммуникативного взаимодействия;
- впервые установлено, что субъект социальной коммуникации представляет собой самоорганизующуюся систему.

Значимость для науки и производства полученных автором результатов видится прежде всего в существенном расширении понимания коммуникативного процесса на основе структурно-эволюционной модели речевого события, которая учитывает языковую способность *homo loquens*, структурность речевого действия, активность субъекта коммуникации, который вступает в рекурсивные отношения с конструируемой им средой и другими участниками как неотъемлемыми составляющими этой среды. В теоретическом плане это позволяет не только уточнить и развить положения отечественной теории речевой деятельности, теории коммуникации, теории дискурса, но и создать особое направление динамического исследования речевого события. Следует, соглашаясь с автором, подчеркнуть, что «задействованные в ходе проведения исследования инструменты анализа и

концептуальный аппарат могут быть эффективно использованы в ходе изучения динамических явлений языка в целом» (с. 14).

Конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертации связаны с высокой практической ценностью, которая заключается в возможности применения предложенной модели и исследовательской методики как применительно к анализу широкого спектра дискурсивных практик в различных социальных сферах, так и для объяснения динамики структур сознания в процессе коммуникации. Материалы исследования могут быть использованы в различных вузовских теоретических учебных курсах лингвистического профиля таких, как общее языкознание, теория коммуникации, теория дискурса, психолингвистика, социолингвистика; могут быть полезны в преподавании практических дисциплин «Практика устной и письменной речи», «Практикум по культуре речевого общения», «Практикум по межкультурной коммуникации», при подготовке научных проектов, курсовых, выпускных квалификационных работ различного уровня.

Из однозначных достоинств данного научного изыскания, вынесенного на защиту в качестве докторской диссертации, особо нужно отметить следующее:

- сделаны исключительно интересные наблюдения, касающиеся специфики коммуникативного поведения определённых групп испытуемых: *с учётом возрастного параметра*: «вариативность коммуникативного поведения, таким образом, не бесконечна, а определена выбором из ограниченного нормами социального взаимодействия числа стереотипных сценариев. При этом по мере взросления и накопления коммуникативного опыта человек привыкает использовать одни и те же модели коммуникативного поведения, что подтверждается и результатами статистической обработки экспериментальных данных: степень унификации мнений в более взрослой группе испытуемых выше» (с. 162); *с учётом гендерно-возрастного параметра*: «молодые женщины предлагают довольно много развернутых ответов, описывающих последовательность речевых / неречевых действий» (с. 188), «для молодых мужчин важно моделировать сценарии вежливого коммуникативного поведения. Испытуемые специально оговаривают, что в заданной экспериментальной ситуации их ответные действия будут вежливыми» (с. 191), «молодые мужчины предлагают меньше агрессивных сценариев, чем молодые женщины» (с. 196); *с учётом гендерного параметра*: «мужчины из обеих возрастных групп предлагают менее развернутые ответы, включающие меньшее число ответных речевых / неречевых действий, чем женщины из обеих возрастных групп» (с. 201);

- установлена зависимость между типичностью коммуникативной ситуации и количеством не/речевых действий: «чем более типичной является коммуникативная ситуация, тем меньше ответных речевых / неречевых действий прогнозируют участники эксперимента» (с. 180);

➤ выявлен важный параметр иерархизации средовых факторов – формат коммуникации: «ответное речевое поведение коммуниканта определяется тем, является взаимодействие фронтальным или дистантным. В случае дистантного взаимодействия участники более свободны в выборе стратегии ответного речевого поведения <...> Представляется, что в интернет-взаимодействии участники в меньшей степени ограничены социально закрепленными нормами коммуникативного поведения, поэтому они могут выстраивать среду, ориентируясь на собственные потребности и мотивы. Иерархизация средовых факторов происходит, таким образом, нестандартным образом» (с. 181).

Текст рецензируемой диссертации соответствует требованиям к стилю и оформлению докторских диссертаций, чётко структурирован. Работа включает в себя введение, четыре главы, сопровождающиеся выводами, заключение, библиографический список из 230 наименований, список источников, список словарей и справочной литературы из 6 наименований и три приложения, в которых представлен образец печатной экспериментальной анкеты (Приложение 1), образец электронной экспериментальной анкеты (Приложение 2) и фрагмент систематизации аккумулированных экспериментальных данных (Приложение 3).

Изложение материала носит комплексный, системный и каузативный характер.

Краткое описание структуры и оценка содержания диссертации.

Введение даёт общее представление о работе, в нём обосновывается актуальность темы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуется объект и предмет исследования, его цель и задачи, методы и материал, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава *«Коммуникация как объект гуманитарных наук: исследовательские подходы и инструменты»* посвящена обзору релевантных для исследования теорий и взглядов на сущность коммуникации и природу этого континуального социального феномена (философских, социологических, политологических, психологических, технических и лингвистических).

Во второй главе *«Аутопоэтическая теория как методологическая основа исследования коммуникации»* излагаются основные положения биологической теории аутопоэза, описывается процесс методологической обработки ключевых интерпретативных категорий теории аутопоэза для исследования лингвистического объекта, задаются принципы конструирования динамической модели коммуникации, здесь же представлена разработанная автором динамическая модель (с. 124).

Третья глава *«Экспериментальное исследование специфики реализации адаптационных свойств участниками межличностной коммуникации»* содержит результаты серии психо- и социолингвистических экспериментов,

которые были разработаны специально для верификации предложенной аутопозитической модели коммуникации.

В четвертой главе «*Моделирование коммуникативного взаимодействия в разных социальных контекстах*» представлен анализ реализованной коммуникации, зафиксированной в виде видеозаписей / стенограмм политических дебатов, видеозаписей / стенограмм заседаний ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, текстов статей из различных медиаисточников, материалов интернет-форумов.

Диссертант чётко определил цель исследования, сформулировал ряд задач, обусловленных целью, успешно их решил и получил валидные результаты, позволившие сделать важные выводы. Достоверность полученных выводов обеспечивается последовательностью авторской позиции, твёрдой логикой хода исследования и разнообразием интерпретированного материала. Иными словами, К.С. Карданова-Бирюкова полностью и на должном уровне выполнила исследование, оформленное в виде диссертации, которая вынесена на защиту.

Вместе с тем, как каждое основательное исследование, диссертация вызывает ряд весьма дискуссионных **вопросов**.

1. В диссертации подробно и детально описываются модели коммуникации в философии, социологии, психологии, применение аутопозитической теории в моделировании компьютерных систем, кибернетике, робототехнике, медицине и физиологии (всего 46 страниц текста диссертации). Весьма скромное внимание уделяется анализу собственно лингвистической проблематики (13 страниц текста). Видимо, по этой причине обоснование теории *речевого события* вызывает некоторые вопросы терминологического свойства. Предлагая новый подход, думается, полезно обсудить смежную терминологию, уже вошедшую в научный обиход (*речевое событие VS коммуникативное событие, речевое общение, речевое поведение, коммуникация, интеракция, речевое взаимодействие, акт коммуникации/коммуникативный акт*). В диссертации нет полной ясности (и не даны точные определения!), что именно понимается под *речевым событием*, каковы границы этого понятия. Если речевое событие трактовать с психолингвистических позиций как совокупность речевых действий в пределах одного акта коммуникации, то, по-видимому, специфика предлагаемого подхода, декларирующего постулирование принципиально нового объекта исследования, будет несколько утрачена. К тому же на стр. 300 речевое действие отождествляется с вербальной наличностью: «речевое событие рассматривается как нестабильная структура, временная «фиксация» которой происходит вследствие ее репрезентации в отдельных *речевых действиях (текстах)*» (курсив мой – С.М.).

Как сам автор справедливо утверждает, что «при всем объяснительном потенциале теории речевой деятельности интерпретативные категории, которыми она оперирует, представляют собой категории высокого уровня абстрактности, что не позволяет конструировать на их базе модели второго

уровня» (с. 77). Каким образом в защищаемой концепции речевого события преодолевается этот недостаток?

2. Требуются некоторые уточнения, связанные с другим концептуальным понятием исследования – *рекурсивным шагом*. На рис. 3.1 на стр. 131 предложена модель коммуникативного взаимодействия, которая тождественна модели рекурсивного шага (как мы можем предположить, исходя из содержания рисунка). Вопрос: каким образом *рекурсивный шаг* соотносится с *коммуникативным взаимодействием*, с *речевым действием*? По каким параметрам мы можем констатировать состоявшийся факт адаптации системы и достижение состояния эмерджентности?

На стр. 125 высказано предположение о том, что «в рекурсивном взаимодействии системы последовательно совершают рекурсивные шаги, т.е. адаптируются в среде и совершают адекватное ответное действие. Адаптация же предполагает определенную структурную перестройку, или эволюцию. Однако в ряде случаев адаптация может предполагать некоторое упрощение структуры с тем, чтобы «подстроиться» под более простую систему и обеспечить эффективное взаимодействие. Такой рекурсивный шаг носит регрессивный характер (в отличие от прогрессивного шага, предполагающего усложнение системы)»; «резистивная система не адаптируется в среде и, следовательно, не эволюционирует» (с. 125).

Вопросы: как в этом случае оценивается эффективность рекурсивного шага? Можно ли назвать вербальные маркеры эффективности данного рода? Означает ли сказанное, что эффективность коммуникации может быть антагонистична эволюции системы? И является ли факт адаптации системы признаком эффективности коммуникации?

Наконец, дискретен ли рекурсивный шаг, и в силу какого свойства этой операциональной единицы учитывается имманентная континуальность коммуникации?

3. С позиции теории аутопоэза «определяющим свойством субъекта коммуникативного взаимодействия является способность к самоорганизации. Поскольку самоорганизация не доступна изучению инструментами собственно лингвистики, это свойство в лингвистических моделях возможно только постулировать. Самоорганизация (или аутопоэз) в такой модели может быть представлена так называемыми параметрами второго порядка: активностью, языковой способностью и структурностью» (с. 129). Ксения Суфьяновна полагает, что структурность системы, ее активность и языковая способность, которые считаются адаптационными механизмами, «могут быть исследованы методами лингвистики и психолингвистики» (с. 100). Это один из новаторских тезисов представленной на защиту диссертации, который с некоторыми уточнениями выдвигается в качестве гипотезы, верифицируемой экспериментальными методами.

Самый первый вопрос, который возникает в связи с этим тезисом, касается возможности и оснований разграничения исследуемых адаптационных механизмов (структурности, языковой способности,

активности). Автор отмечает, что *структурность* как свойство субъекта коммуникации отражает его коммуникативный опыт, степень сформированности его психических операций, его гибкость и пр. «Иными словами, свойство структурности включает в себя всё то, что создает основу для вступления в коммуникацию» (с. 121). «Свойство *активности* отражает тот факт, что субъект коммуникации является активным участником взаимодействия со средой» (с. 121). Ксения Суфьяновна подчёркивает, что «активность – это прежде всего ментальное свойство, а не просто способность вступать в диалогические отношения» (с. 122).

Не проясняет обсуждаемый вопрос и понимание языковой способности, трактовку которой, автор принимает вслед за Л.О. Бутаковой: языковая способность – это «совокупность операционально-действенных ментальных механизмов или оптимизирующих когнитивных стратегий, осуществляющих вербализацию знаний и мнений и проявление универсального механизма вербализации ментального содержания» (с. 122).

Полагаю, что понятия структурности, активности и языковой способности по своей сути являются «склееными» и весьма условно разграничиваемыми (если вообще разграничиваемыми).

На стр. 242 к адаптационным механизмам оказалась отнесена коммуникативная стратегия, которые считается операциональным термином дискурсивного анализа.

Возникающие вопросы не умаляют теоретических изысканий автора в обсуждаемом вопросе, они указывают лишь на сложность изучаемой проблематики.

Действительно, при интерпретации результатов экспериментов Ксения Суфьяновна распределяет полученные ответы по кластерам, но эти кластеры не соотнесены и, осмелюсь предположить, не могут быть даже условно соотнесены с адаптационными механизмами. Попытка связать адаптационный механизм активности с количеством коммуникативных вкладов, а структурность с аргументированностью высказывания (с. 281), на мой взгляд, не совсем удачны в силу сугубой субъективности интерпретации вербальной наличности и по причине отсутствия критериальных оценок.

4. Эффективно выстроенная иерархия свойств активности, структурности и языковой способности обеспечивает адаптацию коммуниканта в среде. В связи с этим автор ведёт речь о двух типах систем: нерезистивных, или способных к быстрому преодолению дисбаланса со средой, и резистивных, или обладающих недостаточно развитыми адаптационными свойствами (с. 123). Возможна ли параметризация резистивности/нерезистивности системы, имеет ли этот признак вербальные маркеры?

В заключение хочу подчеркнуть, что высказанные вопросы и замечания ни в коей мере не снижают научной ценности исследования и носят дискуссионный характер. Более того, большинство вопросов является собственно вопросами, которые хочется задать автору серьёзного

исследования. Они свидетельствуют о том, что работа интересна и стимулирует дальнейшие размышления и рассуждения.

Содержание диссертации отражено в 44 научных публикациях К.С. Кардановой-Бирюковой (из них 2 публикации – в изданиях, входящих в базу данных Scopus и Web of Science, 16 работ – в ведущих периодических научных изданиях, входящих в перечень ВАК).

Заключение

Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации. В целом диссертация является крупным самостоятельным исследованием актуальной научной проблемы, отвечающим всем требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор, Карданова-Бирюкова Ксения Суфьяновна заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета (протокол № 7 от 01.03.2021 г.).

Отзыв составил:

доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры
теории языка, перевода и французской филологии

Мкртычян Светлана Викторовна

Зав. кафедрой
теории языка, перевода и французской филологии,
доктор филологических наук,
доцент

Золотова Наталия Октябровна

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»; адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33; телефон: (4822) 34-24-52; (4822)34-46-56; адрес электронной почты: rgf@tversu.ru; rector@tversu.ru
web-сайт организации: <https://www.tversu.ru/>

